

«За честь науки фехтовальщик»
Владимир Константинович Журавлёв
(3.VII. 1922–12.II. 2010)

Осенью 1984 г. я поступил в аспирантуру на кафедру классической филологии МГУ. К этому времени мои интересы определились в области языкознания; диссертация, запланированная уже в это время, была посвящена древнегреческому глаголу в сравнительно-историческом освещении. И меня очень интересовало — чем занимается Институт языкознания, находящийся недалеко от моего дома, за любимым мной с детства особняком А.А. Морозова, который был построен как копия одного мавританского замка в Португалии.

И вот однажды О.С. Широков сказал: «Костя, Владимир Константинович Журавлёв проводит очередной семинар по диахронической фонологии. Я пойду и Вам тоже советую. Может быть очень интересно. Да и Вам с ним неплохо познакомиться!» К этому времени я знал, что В.К. Журавлёв — выдающийся специалист по славянской фонологии, поэтому с энтузиазмом отнёсся к совету Олега Сергеевича. Впервые я переступил порог дома на ул. Семашко (с 1991 г. возвращено старое название Большой Кисловский переулок). Навстречу мне по лестнице сбежал пожилой человек, худощавый, среднего роста, в очках и с бородкой клинышком. Это и был Владимир Константинович. Он раньше меня не видел, но очень непосредственно выказал радость: «Пришёл! — воскликнул он высоким тенором. — Ну, молодец, поднимайся в конференц-зал!» В этот раз доклад делал Л.Л. Касаткин; он говорил о некоторых фонетических процессах в русских диалектах. Я обратил внимание на то, как нестандартно, весело и шутливо вёл заседание председатель. «А кто ещё выступит? Вот есть у нас такой Виктор Алексеевич!» Встал высокий импозантный мужчина с проседью в бороде и высказал своё мнение (к сожалению, за давностью лет я слегка забыл сам предмет дискуссии). Я не подозревал тогда, что буду работать в Институте языкознания, что Виктор Алексеевич Виноградов в течение 11 лет будет его директором, и что мы станем с ним приятелями, несмотря на разницу в возрасте. Потом, обсуждая с Олегом Сергеевичем семинар, я заметил: «Как по-дружески сразу отнёсся ко мне В.К.! Удивительно, ведь мы не были раньше знакомы» — «Он знает, что Вы мой ученик, и он уже Вас любит!»

Мы много общались с В.К. на V Международной конференции балтистов, которая состоялась в Вильнюсе в 1985 г. И там его шутки входили в фольклор. Например, на докладе В.Н. Чекмонаса, посвящённом возможным иранским истокам праславянской фонемы [x], В.К. категорически объявил: «Нет, чужого [x] не надо нам, а своего не отдадим!» А когда О.С. Широков организовал семинар по сравнительному языкознанию в МГУ и назначил меня учёным секретарём, В.К. стал деятельным его участником. На большой конференции, посвящённой памяти Ф.Ф. Фортунатова, он сделал доклад, основанный на материале его давней, чуть ли не дипломной работы, посвящённой диалекту болгарских сёл на Украине. Особую трудность представляла классификация глагольных основ. «Когда мы въехали в болгарское село, — рассказывал он, — мы увидели знаменитый лозунг: “Нет таких крепостей, которых бы не взяли большевики!” И я понял, что болгарские глаголы от меня не уйдут!»

Не хотелось бы, чтобы Владимир Константинович предстал с моих слов только как балагур. Он был большим учёным, с весьма серьёзной биографией. Но мало кто умел так сочетать работу с шуткой, как он. К нему полностью применим гарик Игоря Губермана¹:

Поскольку жизнь, верша полёт,
Чуть воспарив, опять в навозе,
Всерьёз разумен только тот,
Кто не избыточно серьёзен.

Такой «не избыточной серьёзностью» В.К. обладал в высшей степени. Из его изречений и афоризмов можно составить целую антологию. Об одной даме-профессоре из Института языкознания, отличавшейся умением, как говорится, колебаться вместе с линией партии, он сказал: «Менялись флаги на башне нашей науки. Но М.М. всегда стояла у флагштока!» Об одном семинаре балтистов и славистов в Вильнюсе он вспоминал так: «Сидели мы в президиуме четверо в ряд: Уильям Шмальстиг из Пенсильвании, Вольфганг Шмид из Гейдельберга, Райнер Эккерт из Лейпцига и я. Ну, ты их всех знаешь, и видел, что Уильям, как и я, довольно худосочен, а Вольфганг с Райнером весьма упитаны. Подошла к нам Велта Руке-Дравиня, латышка из Стокгольма, и сказала: “Ну вот! Стоило побеждать во Второй Мировой!”»

Судьба Владимира Константиновича Журавлёва показывает, что был он человеком незаурядной силы духа. Трудностей в его жизни было немало, и все он мужественно преодолевал. Родился В.К. в Москве, в районе Рождественского и Чистопрудного бульваров. В школе, куда он ходил, на класс старше учился другой будущий крупнейший языковед — Михаил Викторович Панов (1920–2001); с ним В.К. сохранял дружеские отношения на всю жизнь. В 1939 году 17-летний Володя Журавлёв был призван в армию; в 1941 г. предполагалась демобилизация. Но, как говорится, рок сулил иное. Солдат Журавлёв вместе с армией отступил к Сталинграду, затем прошёл от него до Европы, сражался в Венгрии и Австрии. Как-то он шутливо у меня спросил: «Ты не помнишь, сколько лет мне было, когда я Вену брал?» — «Это было весной 1945; значит, Вам тогда было около 23». — «Да, ты совершенно прав!» Воевал В.К. храбро: принёс с войны орден и три медали.

В 1946 году, демобилизовавшись, он поступил на русское отделение филологического факультета МГУ. Там он быстро подружился со славистом Никитой Толстым (будущим академиком) и классиком Олегом Широковым. Их прозвали «Три мушкетёра»; дружбу они сохранили на всю жизнь. Со студенческих лет В.К. увлекался полевыми исследованиями; экспедиция в болгарские сёла помогла ему собрать материал для дипломной работы. Кандидатскую диссертацию он защитил под руководством основателя отечественной болгаристики С.Б. Бернштейна на ту же тему. Но ему негде было жить в Москве с семьёй и пришлось уехать в провинцию. 12 лет В.К. работал в Донецке и Минске. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию по проблеме весьма спорной, а тогда выглядевшей вызывающе. Он изучил генезис противопоставления согласных в славянских языках по мягкости-твёрдости. Это явление хорошо известно во многих восточных языках, а в европейских индоевропейских оно существует только в балтийских и славянских. В остальных согласные смягчаются только перед гласными переднего ряда [e, i]. Р.О. Якобсон ещё в 30-е гг. сформулировал понятие евразийского языкового союза: одной из его важнейших характеристик является наличие фонематической оппозиции по твёрдости / мягкости. Но

¹ О том, как я читал В.К. стихи Губермана, рассказ впереди.

В.К. задался вопросом: как конкретно должна развиваться эта оппозиция. Он использовал предложенное Е.Д. Поливановым для китайского языка понятие группофонемы — слога, претерпевающего изменения, которые затрагивают все входящие в него звуки. В праславянском, по мнению диссертанта, тоже имелись такие группофонемы, в составе которых и сформировался признак твёрдости/ мягкости. Мнение это разделяли далеко не все. Первым оппонентом на защите был Р.И. Аванесов, один из основателей Московской фонологической школы, который начал своё выступление так: «Я совершенно не согласен с основным тезисом диссертации — о наличии в праславянском группофонеме». Впрочем, против присуждения докторской степени он не возражал, отметив работоспособность и эрудицию автора, обилие поднятого им материала. Сейчас теорию группофонем можно назвать первым крупным вкладом В.К. в лингвистику. Его доклад на эту тему на Всемирном конгрессе лингвистов в Бухаресте (1967) сделал его знаменитым. Второй вклад В.К. в науку состоит в формулировке фонетического закона. Открытие этого феномена надо считать одним из главных достижений в гуманитарных науках. Фонетический закон превратил языковедение в строгую науку, по доказательности сравнимую с физикой и химией. В.К. Журавлёв придал ему вид полноценной формулы:

$$L \{a > b\} T$$

P

Звук *a* переходит в звук *b* в позиции P в языке L во время T. Здесь есть всё необходимое и достаточное, что требуется для закона: указание на событие, управляемое законом, и на условия его осуществления. Ведь ни один закон не может быть универсальным. Например, вода кипит при 100° в земных условиях. Если атмосферное давление уменьшается — уменьшается и температура кипения. Если увеличивается — то и температура кипения возрастает. Так и в языке. Каждый фонетический закон действует в определённой позиции и в определённое время, так что можно установить относительную хронологию законов. Впервые это сделал великий русский лингвист Ф.Ф. Фортунатов (1848–1914), открыв первую и вторую палатализацию в праславянском. В.К. Журавлёв, сторонник и последователь Фортунатова, завершил дело его и других крупнейших учёных. Он на основании своей формулы ввёл понятие силы оппозиции фонем (число позиций, где они различаются) и силы нейтрализации (число позиций нейтрализации). Фонетический закон превратился в самый надёжный инструмент исследования истории и предистории языка. Третье выдающееся достижение В.К. — применение принципов диахронической фонологии в исследовании морфологии. Вообще, впервые ввели фонологический принцип в морфологию Л. Ельмслев и Р.О. Якобсон — с последним В.К. дружил, переписывался, встречался на конгрессах. Но именно В.К. впервые воспользовался фонологическим инструментарием для решения исторических проблем морфологии. Он обобщил в виде формул основные морфологические изменения, ввёл термин *морфологическая нейтрализация*.

В.К. был страстным адептом своей науки — фонологии и лингвистики вообще. Вот как он сказал о них: «Похоже, что лингвистика, эта бедная Золушка, которая, казалось, только и делала, что ходила в “обносках” то биологии, то формальной логики, то математики, получив хрустальную туфельку фонологии, обратила на себя внимание общества. Возникла своего рода мода на лингвистику: физики и генетики, сделав фундаментальное открытие, считают своим долгом заявить, что они использовали некоторые идеи лингвистики... Для многих представителей гуманитарных наук лингвистика через фонологию стала... наукой-

эталоном»². Не с меньшим энтузиазмом В.К. подчёркивал и общественное значение языкознания. Он говорил: «Без лингвистики никто не может полностью знать свой язык. Без языка — нет народа!»

С мудрым и весёлым Владимиром Константиновичем я с удовольствием общался, будучи аспирантом. Затем, когда я работал в издательстве «Наука», я был редактором его научно-популярной книги «Язык. Языкознание. Языковеды» (1991 г.) Эта книга написана очень живо и занимательно, с присущей В.К. эрудицией и юмором, в форме диалога лингвиста с представителями других наук. Диапазон тем широк: от происхождения языка до вопросов языкового строительства. Красной нитью проходит мысль о важности и значимости фонологии. Герой книги Лингвист говорит о трёх открытиях фонемы. Первое сделал кроманьонец — овладел членораздельной речью, т.е. членящейся на фонемы. Второе открытие принадлежит древним грекам — именно они создали первый по-настоящему фонологический алфавит, где каждая буква соответствует своей фонеме. В третий раз фонеме открыли великие русские учёные: И.А. Бодуэн де Куртенэ со своими учениками и ученики Ф.Ф. Фортунатова. «Фонема умеет благодарить своих открывателей! Кроманьонец с членораздельной речью вытеснил всех других гоминид, стал хозяином земли. Большинство алфавитов мира происходит из греческого; ими пользуется почти $\frac{3}{4}$ населения Земли. Русские фонологические школы завоевали мировое признание». Словом, книга получилась очень удачная, её через несколько лет перевели в Японии.

Работая над ней, мы часто беседовали по душам. Я как-то сказал: «Владимир Константинович, какая-то петрушка получается. Я кандидат наук, у меня довольно много публикаций, — и не могу перейти на работу в Институт языкознания, хотя Ю.С. Степанов давно хлопочет об этом. В издательстве-то моя научная работа не нужна. А время уходит!» — «Костя, ну что же делать, — вздохнул он. — По-разному судьба складывается. У меня, как ты знаешь, Гитлер 7 лет отнял. Но ничего, я поступил в университет, затем в аспирантуру, догнал и перегнал сверстников! Ты правильно делаешь, что продолжаешь работать и в лингвистике. И я тебе советую: не теряй времени, готовь докторскую диссертацию, а я буду у тебя оппонентом». Так и получилось. В конце 1996 г., когда моя работа была готова, я позвонил ему и сказал: «В.К., Вам предстоит оппонировать!» — «Конечно, милый, с удовольствием!» Защита была отложена и состоялась только в сентябре 1999 г. Летом того года я напомнил В.К. об оппонировании, он опять с энтузиазмом согласился, достал из архива подготовленный 2 года назад отзыв; мы его снова посмотрели и отредактировали. Но через некоторое время позвонил мне сам и чуточку смущённо сказал: «Костенька, ты знаешь, как я хотел тебя защитить. Но Вадим Михайлович³ предложил мне путёвку в Коктебель. Помнишь ведь, какая славная земля вокруг залива Коктебля!»⁴ — «Помню, сам там бывал! В.К., я очень бы хотел, чтобы Вы были на моей защите. Но по положению один оппонент может отсутствовать. Езжайте, наслаждайтесь осенним крымским воздухом и ни о чём не тревожьтесь!» Про себя же подумал: «Хорошо, что 77-летнему человеку предоставилась возможность съездить на море!» Защита, по счастью, прошла без инцидентов.

В.К. был искренне православным человеком. Тут у меня с ним были некоторые разногласия. Я, не будучи воцерковлённым, знаю от многих пришедших в церковь в зрелом

² Журавлёв В.К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. С. 4-5.

³ В.М. Солнцев (1928–2000), выдающийся синолог, в 1987–2000 директор Института языкознания.

⁴ Цитата из шуточной песни В.М. Бахнова, вошедшей с 60-х гг. прошлого века в молодёжный и интеллигентский фольклор. Исполняется на мотив старой лагерной песни.

возрасте, как им трудно на слух воспринимать церковнославянскую службу; некоторые мои знакомые, уверовав, так и не стали из-за этого ходить в церковь. В.К. же был категорическим противником перехода церковной службы на русский язык. «Пойми, — горячо говорил он, — церковнославянский язык прекрасен. За ним — тысячелетняя культура. Неужели мы должны его терять оттого, что кому-то трудно на слух воспринимать молитвы?» Такие аргументы я слышал много раз, до сих пор считаю их более красивыми, чем убедительными. Но характерно, что Владимир Константинович не только спорил. Он старался подкрепить свою позицию делом: писал учебник церковнославянского языка для гимназий. Это, безусловно, очень важно. Я до сих пор полагаю, что нужно развивать оба пути. Если Русская Православная церковь хочет иметь сознательных прихожан, надо подумать всё-таки о переводе богослужения на русский язык (совет постороннего!) Но знание церковнославянского языка необходимо не только православным. И большой пласт культуры, запечатленный в славянских текстах, и статус церковнославянского как первого славянского литературного языка, и непростые его взаимоотношения с русским языком — всё это делает его необходимым для изучения. Сейчас, в эпоху ЕГЭ, об этом можно только мечтать. Наоборот, старославянский и историческую грамматику русского языка стараются изгнать из программы и пединститутов. Но в прекрасном будущем, хочется надеяться, каждый культурный русский будет понимать разницу между *берегом* и *брегом*; знать, что прилагательные *горячий* и *колючий* — это исконно русские причастия, тогда как *горящий* и *колющий* — это церковнославянский компонент русского языка. И В.К. Журавлёва мы назовём одним из первопроходцев школьного изучения церковнославянского языка.

Как истинно верующий, В.К. резко отрицательно относился к коммунистам. Вряд ли нынешние, готовые стоять со свечкой на службе, вызвали бы у него одобрение. Очевидно, одно из двух: либо поклоняться Ленину, заявлявшему «всякое кокетничанье с боженькой есть мерзость невыносимая» и требовавшему расстрелять как можно больше священников, либо в храм ходить. Помню, в начале октября 1991 г. на очередной конференции балтистов в Вильнюсе В.К. с волнением говорил о том, что сатанинская власть потерпела поражение, что его сын в августе три дня провёл на баррикаде у Белого дома. Как-то прочёл я ему известный стих Игоря Губермана:

Однажды здесь восстал народ
И, став творцом своей судьбы,
Извёл под корень всех господ.
Теперь кругом одни рабы.

В.К. пришёл в восторг: «Ох, молодец, ох умница! Кто, ты говоришь, это написал?» — «Игорь Губерман» — «Передай ему от меня привет! Ты с ним знаком?» — «К сожалению, нет» — «Ну всё равно, если познакомишься, увидишься — передай!» И что же? Снова пророком оказался В.К.! Года через два мне действительно довелось познакомиться с этим замечательным поэтом, который в общении оказался на редкость приветливым и обаятельным собеседником. Я ему пересказал этот диалог и прибавил: «Игорь Миронович, передаю Вам привет от выдающегося московского лингвиста Владимира Константиновича Журавлёва!»

Юмор и достоинство В.К. сохранял в самых сложных ситуациях. Когда ему было уже под 70, он упал и сломал шейку бедра. Не всем удаётся встать после такого перелома; срывается она у пожилых людей тоже не всегда. В.К. поднялся, но ходил с тех пор только с

палочкой. Трудности он испытывал в гололёд: по скользкому идти ему уже было почти невозможно. Но он не унывал, а напевал украинскую песенку: «Ой, хто ж мене, молоду, та до дому доведе?» И, услышав такие бодрые призывы, кто-нибудь да и находился, чтобы проводить.

Затем с ним случилось новое несчастье, особенно прискорбное для творческого человека: стало резко ухудшаться зрение — до невозможности разбирать обычный типографский шрифт. Помню, вскоре после смерти О.С. Широкова я навестил его. Посидели очень хорошо, В.К. много рассказывал из их студенческого житья-бытья. Я принёс ему лупу: «Попробуйте почитать с ней!» — «Костя, но у меня близорукость, а лупой пользуются при дальнозоркости!» — «Это не так важно. Главное то, что Вам трудно различать мелкие буквы, а стекло их увеличивает». В.К., недоверчиво улыбнувшись, открыл книгу и поднёс лупу к странице. «Ой! — воскликнул он с детской радостью. — Действительно, видно! Можно читать! Ну, спасибо тебе большое!» И несколько лет на вопрос о здоровье В.К. неизменно отвечал: «Спасибо, милый! С твоей лупой немного читаю». Но вот настал момент, когда он сказал: «К сожалению, и лупа не помогает». Но и тут он не пал духом, на вопросы о здоровье отвечал неизменно шутливо. Сыновья помогали ему переиздавать старые книги и записывали его воспоминания. Ушёл из жизни В.К. в полной памяти, имея возможность работать чуть ли не до последнего дня.